

*Посвящается Анни,
A ta vie de cœur entier¹*

¹ Жизни моего сердца (фр.).

ГЛАВА 1

За три дня до смерти мать сказала мне, что мой брат жив. Это были едва ли не последние ее слова. На подробности сил уже не хватило: конец приближался, и морфий, зажавший сердце в тиски, не давал ей вздохнуть. Прошлогодний загар сменился болезненной желтизной, глаза глубоко запали. Мама почти не просыпалась. Фактически после того разговора у нее был только один светлый момент — если это на самом деле было просветление, в чем я сильно сомневаюсь. И я успел лишь сказать, какая она замечательная мать, как я люблю ее, и попрощаться. Мы ни разу больше не говорили о брате. Хотя, конечно же, думали о нем — так, будто он тоже сидит у ее постели.

«Он жив» — только это она и успела сказать. И я не знал, стоит ли этому радоваться.

Мы похоронили ее четыре дня спустя.

Потом все вернулись домой, чтобы сидеть шиву. Отец, мрачный как туча, находился в гостинной, лицо его побагровело от бешенства. Я был, конечно, рядом с ним. Моя подружка Шейла держала меня за руку. Здесь же сидела моя сестра Мелисса,

прилетевшая из Сиэтла вместе со своим мужем Ральфом. Тетя Сельма с дядей Мюрреем нервно прохаживались взад и вперед.

Больше не пришел никто.

Даже венок прислали только один. Правда, гигантских размеров и очень красивый. Шейла улыбнулась и сжала мою руку, увидев визитную карточку. Там не было ни слова, лишь картинка: крест в квадрате.

Отец то и дело поглядывал в окно — то самое, что за последние одиннадцать лет дважды разбивали из духового ружья.

— Сукины дети! — бормотал он сквозь зубы и начинал вновь перебирать имена тех, кто мог прийти и не пришел. — Боже мой! Уж Бергманам-то следовало бы явиться, черт их побери!

Затем он закрывал глаза и отворачивался от окна; гнев с новой силой начинал пожирать его изнутри, смешиваясь с горем. Я уже не мог это видеть.

Еще одно предательство... Как много их было за последние десять лет!

Мне не хватало воздуха. Я встал, и Шейла озаченно подняла глаза.

— Пойду пройдуся, — тихо сказал я.

— Хочешь, я пойду с тобой?

— Не стоит.

Шейла кивнула. Мы были вместе почти год, и я еще не встречал никого, кто был бы так точно настроен на мою довольно нетривиальную волну. Я снова ощутил теплое пожатие ее руки.

Перешагнув через дверной коврик с жесткой искусственной травой и пластиковой ромашкой,

я пошел не торопясь вверх по Даунинг-плейс, застроенной отупляюще однообразными домами с алюминиевой отделкой в стиле начала шестидесятых. Я по-прежнему был одет в темный костюм, от которого, казалось, чесалось все тело. Озверевшее солнце палило, как печка, и у меня промелькнула сумасшедшая мысль — такой день как нельзя лучше подходит для того, чтобы умереть и разложиться. Перед глазами вдруг возникло лицо матери, ее улыбка, освещавшая все вокруг. Так она улыбалась когда-то. До того, как все случилось.

Нет, об этом лучше не думать...

Я знал, куда иду, хотя не признался бы в этом даже самому себе. Меня что-то тянуло туда — некая непонятная сила. Кто-нибудь счел бы подобное желание мазохизмом. Не думаю — просто мне захотелось посмотреть на место, где все кончилось.

Шум и краски летнего пригорода наваливались на меня со всех сторон. Дети проносились мимо на велосипедах. Мистер Чирино, владелец автосалона «Форд» на шоссе номер 10, подстригал свою лужайку. Супруги Стайн прогуливались под руку; когда-то они основали сеть хозяйственных магазинов, но теперь она стала частью более крупной сети. Возле дома Левайнов играли в мини-футбол; ни с кем из игравших я знаком не был. С заднего двора Кауфманов ветер доносил запах мяса, жарившегося на вертеле.

Старый дом Глассманов. В шестилетнем возрасте Марк Глассман, по прозвищу Лопух, пробил в прыжке стеклянную дверь: он играл в Супермена. Крови и крику было много. Врач наложил больше

сорока швов. Потом Лопух стал крупным финансовым воротилой, так что вряд ли его теперь называют старым прозвищем. Хотя бывает всякое.

Дом Мариано на углу, все того же жуткого желтого цвета и с тем же пластиковым оленем на лужайке. Анджела Мариано была на два класса старше и казалась нам высшим существом. Увидев, как она загорает на заднем дворе в открытом купальнике, я ощутил первый болезненный позыв мужского естества. Анджела постоянно воевала с родителями и тайком курила в сарае позади дома. Ее парень приезжал за ней на мотоцикле. В прошлом году я случайно увидел ее на Мэдисон-авеню и ожидал, что буду разочарован, как это обычно случается, когда спустя много лет встречаешь предмет своей детской влюбленности. Но Анджела выглядела превосходно и казалась вполне счастливой.

На лужайке перед домом номер 23 по Даунинг-плейс, где жил Эрик Франкель, работала поливальная установка, разбрызгивая воду медленными волнами. Когда мы учились в седьмом классе, Эрику устроили бар-мицву в космическом стиле. Потолок в ресторане был выкрашен черным и усыпан яркими созвездиями, как в планетарии, в центре зала красовался макет ракеты на стартовой площадке, а официанты носили скафандры — в точности такие, как у астронавтов с «Меркурия-7». Наш столик, на котором стояла табличка «Аполлон-14», обслуживал «Джон Гленн». Посреди праздника я и Синди Шапиро сбежали из-за стола и больше часа миловались в боковой комнатке. Тогда я в первый раз был с девушкой и толком не знал, что делать. По счастью, Синди знала. И это было восхитительно. Особенно когда она пустила в ход язык.

Однако, несмотря на ее изобретательность, уже через двадцать минут первые восторги уступили место скуке, а наивное «Что же дальше?» сменилось удивленным «Как, и это все?». Когда мы с Синди тайком вернулись в зал к «Аполлону-14» и «мысу Кеннеди», наш внешний вид был весьма красноречив. Оркестр Херби Зейна наигрывал «Полетим на Луну». Мой старший брат Кен отозвал меня тогда в сторону и потребовал подробностей. Я, разумеется, рад был похвастаться своими подвигами. Он одобрительно улыбнулся и хлопнул меня по плечу. Той же ночью, когда мы лежали на нашей двухэтажной кровати — Кен наверху, а я внизу — и слушали его любимую «Не пугайся смерти» группы «Блю ойстер культ», брат поделился со мной своим опытом девятиклассника. Позже я понял, что он и сам тогда мало что знал. Но я до сих пор улыбаюсь, вспоминая этот разговор.

«Он жив...»

Я встряхнулся, отгоняя воспоминания.

Дойдя до бывшего дома Холдеров, я свернул направо, на Коддингтон-Террас. Этим путем мы с Кеном ходили в начальную школу. Здесь, между домами, была проложена асфальтовая дорожка, позволявшая сократить путь. Обычно мама, которую все, даже дети, привыкли называть Солнышком, незаметно провожала нас. Мы с Кеном демонстративно закатывали глаза, увидев ее силуэт за деревьями. Меня такая опека страшно смущала, а Кен лишь пожимал плечами. Он вообще относился ко всему куда проще.

Мой брат...

У меня защемило сердце.

Здесь уже трудно было остаться незамеченным. Звонки велосипедов, крики футболистов, даже поливальные установки и газонокосилки — все, казалось, затихало, когда я проходил мимо. Некоторые таранились просто из любопытства: жарким летним вечером человек в темном костюме сам по себе выглядит достаточно странно. Но большинство — если только мне это не мерещилось — смотрели с ужасом, не в силах поверить, что я осмелился появиться в этих местах.

Вот и дом номер 147 по Коддингтон-Террас. Я остановился, засунув руки в карманы. Ну и что дальше, зачем я здесь? В окне гостиной отодвинулась занавеска и показалось изможденное вытянутое лицо миссис Миллер. Она взглянула на меня широко раскрытыми глазами. Я не отвернулся и продолжал стоять. Миссис Миллер смотрела еще некоторое время, а затем, к моему удивлению, лицо ее смягчилось. Казалось, общая боль каким-то образом сблизила нас. Миссис Миллер кивнула. Я кивнул в ответ, с трудом подавляя подступившие слезы.

Вы, скорее всего, знаете эту историю — ее не обошла вниманием ни одна бульварная газетенка. Для тех, кто не в курсе, вот официальная информация: одиннадцать лет назад, 17 октября, в поселке Ливингстон, штат Нью-Джерси, мой брат Кен Клайн, которому тогда было двадцать четыре года, жестоко изнасиловал и задушил нашу соседку Джули Миллер.

В подвале ее собственного дома. Дома номер 147 по Коддингтон-Террас.

Точнее, там нашли тело. Следствие так и не установило — убили ее прямо там, в подземном бункере с голыми стенами, или труп принесли потом, спрятав за старой кушеткой, покрытой грязным полосатым матрасом. Первый вариант все же вероятнее. А мой брат избежал ареста и пустился в бег — опять же как гласит официальный отчет.

Объявленный в международный розыск, Кен скрывался в течение последних одиннадцати лет. Однако сведения о нем все же появлялись. Время от времени.

Первое сообщение пришло примерно через год после убийства. Из маленькой рыбацкой деревушки на севере Швеции. Интерпол послал туда агентов, но брату удалось ускользнуть. Возможно, его предупредили. Не знаю, правда, кто и каким образом.

Во второй раз его видели уже через четыре года, в Барселоне. По утверждению газетчиков, Кен снимал «особняк с видом на океан» (хотя всем известно, что Барселона стоит не на океанском побережье), где жил со «стройной темноволосой женщиной, предположительно танцовщицей из школы фламенко». Один из жителей Ливингстона, приехавший в Барселону отдохнуть, якобы видел, как Кен обедал со своей испанской любовницей. В кафе на пляже. Выглядел мой брат неплохо, сильно загорел и носил белую рубашку с открытым воротом и мокасины на босу ногу. Его видел Рик Горовиц. Он учился вместе со мной в четвертом классе. Помню, на протяжении трех месяцев Рик развлекал нас тем, что поедал на переменах гусениц.

В Барселоне Кену также удалось ускользнуть от цепких когтей закона.

В последний раз его заметили на горнолыжной базе во Французских Альпах. Кстати, до убийства мой брат ни разу не вставал на лыжи. Этот слух принес не больше пользы, чем предыдущие. Разве что позволил снять очередной телевизионный сюжет. С годами все это стало напоминать телеигру, возобновлявшуюся при появлении каждого нового сообщения о Кене и прерывавшуюся, как только у информационных агентств кончался материал.

В дурацких «специальных репортажах» (как будто у журналистов бывают какие-нибудь другие!) всегда использовали одну и ту же фотографию Кена, в белом теннисном костюме — какое-то время мой брат был игроком национального уровня, — на которой, надо признать, он смотрелся весьма эффектно. (Интересно, где репортеры достали этот снимок?) Высокомерная белозубая улыбка, прическа а-ля Кеннеди, темный загар, контрастирующий с безусловно белой одеждой, — такие типы с первого взгляда вызывают всеобщую ненависть. Кен выглядел сыном богатых родителей, скользящим по жизни благодаря своему обаянию (на самом деле весьма сомнительному) и счету в банке (которого у него никогда не было).

Один раз и я участвовал в подобном телешоу. Мне позвонил продюсер (почти сразу после убийства) и заявил, что хочет объективно представить позиции «обеих сторон». Мол, людей, готовых линчевать моего брата, хоть пруд пруди, и «для равновесия» неплохо было бы, чтобы кто-нибудь рассказал людям о «настоящем» Кене. Я на это купился и позволил, чтобы крашенная ведущая больше часа

в сочувственной манере задавала мне вопросы. Это было приятно и успокаивало, давая возможность выговориться. Потом мне сказали спасибо и выпроводили. А когда передача вышла в эфир, от всей беседы остался кусок одной фразы, сказанной мной в ответ на вопрос, который они тоже, разумеется, вырезали: «Вы ведь не станете утверждать, что ваш брат — само совершенство? Он же не был святым, правда?» Мое лицо было показано самым крупным планом, и я произносил под траурную музыку: «Кен не был святым, Диана».

Но все это касается официальной версии событий. Я никогда в нее не верил.

Не то чтобы она совсем не имела права на существование. Однако мне представлялось куда более вероятным, что Кен мертв. Мертв уже одиннадцать лет.

Более того, в это же верила и мать. Верила твердо, без оговорок.

Ее сын не мог стать убийцей. Он мог быть только жертвой. И вдруг...

«Он жив...»

Дверь дома распахнулась, на пороге стоял мистер Миллер. Он поправил очки на носу и подбоченился — жалкое подобие Супермена.

— Убирайся отсюда, Уилл!

И я ушел.

Следующий сюрприз поджидал меня в тот же день.

Мы с Шейлой находились в спальне родителей. Здесь нас окружала старая добротная мебель с выгоревшей обивкой, серой с голубыми узорами —

такой она выглядела с тех пор, как я себя помню. Мы сидели на широкой двуспальной кровати и раскладывали на пуховом одеяле содержимое туго набитых ящичков комода. Отец остался в гостиной, продолжая с вызывающим видом смотреть в окно.

Не знаю, зачем мне понадобилось рыться в вещах, которые мама так ценила, что до самой смерти хранила при себе. Я знал, что это будет тяжело, но... Иногда возникает странное желание испытать душевную боль. Зачем-то это нужно. Своего рода игра с огнем.

Я посмотрел на лицо Шейлы — она слегка наклонила голову и прищурилась, рассматривая что-то, — и мое сердце забилося от счастья. Это может показаться немного странным, но я мог любоваться ею часами. И дело не только в красоте. Черты Шейлы трудно назвать классическими, в них ощущалась какая-то неправильность — то ли врожденная, то ли следствие тяжелого прошлого. Однако в лице светилась такая одухотворенность, такая пытливость... И одновременно хрупкость — как будто еще один удар уничтожил бы ее безвозвратно. Когда я смотрел на Шейлу, мне хотелось совершить ради нее подвиг. Я не преувеличиваю.

Не отвлекаясь, она скупой улыбнулась:

— Перестань.

— А я ничего не делаю.

Она взглянула на меня:

— Что ты так смотришь?

— Ты моя жизнь.

— Ты и сам ничего.

— Это точно, — улыбнулся я. — Проверим?

Она в шутку замахнулась на меня.

— Я тебя люблю, ты же знаешь.

— А я еще больше.

Шейла безнадежно закатила глаза. Затем снова посмотрела на разложенные вещи. Взгляд ее стал теплым и грустным.

— О чем ты думаешь? — спросил я.

— О твоей матери. Мне она очень нравилась.

— Жаль, что ты не познакомилась с ней раньше.

— Жаль, — вздохнула Шейла.

Мы принялись разбирать старые пожелтевшие вырезки из газет. Извещения о рождении детей: Мелисса, Кен, я. Статьи о теннисных достижениях Кена. Спортивные трофеи, все эти бронзовые статуэтки теннисистов, подающих мяч, до сих пор заполняли его бывшую спальню. Фотографии — в основном старые, до убийства. Солнышко... Так маму прозвали еще в детстве, и это прозвище очень ей шло. Фото с заседания школьного родительского комитета, где она восседает за столом в какой-то нелепой шляпке. Не знаю, что мама там говорила, но видно, что аудитория умирает со смеху. Еще на одном снимке она распорядилась на школьной ярмарке, одетая в клоунский костюм. Наши школьные друзья любили мою мать больше, чем других взрослых, и с нетерпением ожидали, когда наступит ее очередь везти всех в школу. И вечно просили устроить очередной общий пикник у нас дома. Мама хорошо ладила с детьми: никогда не поучала нас, любила почудить и постоянно имела в запасе что-нибудь неожиданное. Ее сопровождали радость и смех...

Мы сидели так уже часа два. Шейла не спешила, внимательно рассматривая каждую фотографию. Внезапно она надолго задержалась на одной из них, вглядываясь в лица.

— Кто это? — Шейла протянула снимок мне.

Слева стояла моя мать в неприлично открытом желтом бикини, по моде начала семидесятых. Выглядела она очень легкомысленно и одной рукой обнимала счастливо улыбающегося низкорослого мужчину с черными усами.

— Это король Хусейн, — объяснил я.

— Тот, что в Иордании?

Я кивнул:

— Ага. Отец с матерью встретили его в Майами.

— И что?

— Мама попросила его сфотографироваться с ней вместе.

— Врешь.

— Вот доказательство.

— У него же телохранители и все такое...

— Наверное, она не выглядела слишком опасной.

Шейла рассмеялась. Я вспомнил, как мама рассказывала мне об этом случае. Они стояли с королем Хусейном и ждали, но фотоаппарат отца не желал работать. Он ругался вполголоса, пытаясь разобраться, в чем дело, а она делала ему страшные глаза, подгоняя. Король терпеливо ждал. Наконец его телохранитель взял фотоаппарат, мигом нашел неисправность, все починил и отдал отцу.

Моя мама... Солнышко.

— Она была такой милой, — вздохнула Шейла.

Говоря о том, как подействовало на мать убийство Джули Миллер, я не хочу пользоваться избитыми фразами типа «в душе ее что-то надорвалось» или «часть ее души умерла». Однако такие клише часто оказываются очень меткими. Даже ее знаменитая улыбка съезжилась и потухла. Она не закатывала истерик, не падала в обморок, хотя, пожалуй, это было бы лучше. Просто моя взбалмошная мать вдруг стала удивительно, пугающе спокойной. Бесстрастной — вот подходящее слово. И это было страшнее, чем самые бурные сцены.

У входной двери зазвонил колокольчик, и я выглянул в окно спальни. Прибыл фургон, доставивший закуски для гостей. Отец явно переусердствовал, когда заказывал их, цепляясь до последнего за свои иллюзии. Теперь он стоял у окна гостиной, словно на мостике «Титаника». Я вспомнил, как после убийства нам разбили окно выстрелом из духового ружья и как отец тряс кулаками, угрожая обидчикам. Мама, как мне кажется, предпочла бы переехать, но он ни за что не соглашался. Для него это означало бы капитулировать, признать, что его сын — убийца. В конечном счете — предать.

Глупо.

Шейла смотрела на меня. От ее взгляда исходило почти осязаемое тепло, как от солнечного луча, и на какое-то мгновение я просто растворился в этом тепле. Мы с ней впервые встретились у меня на работе примерно год назад. Я занимаю должность директора в отделении «Дома Завета» на Сорок первой улице в Нью-Йорке. Это благотворительный фонд, помогающий выжить бездомным

детям. Шейла пришла к нам добровольцем. И хоть она и выросла в маленьком городке в штате Айдахо, мало напоминала провинциалку. По ее словам, много лет назад она тоже убежала из дому. Больше о своем прошлом Шейла не рассказывала ничего и никому. Даже мне.

Я улыбнулся:

— Люблю тебя.

— А я люблю еще больше, — ответила она.

Я не стал закатывать глаза. Шейла проявляла участие к моей матери до самого конца. Постоянно ездила к ней в больницу, хотя добираться было далеко сначала на автобусе, а потом пешком. В прошлый раз мама лежала в этой больнице, когда рожала меня. Жизненный цикл — жизнь и смерть ходят по кругу.

Моя мать и Шейла. Вместе... Я решил воспользоваться случаем.

— Ты бы как-нибудь позвонила родителям.

Шейла посмотрела на меня так, будто я ударил ее по лицу, и поднялась с кровати.

— Шейла!

— Не сейчас, Уилл.

Я взял в руки фотографию в рамке — отец с матерью, оба загорелые, во время круиза.

— Какая разница... Почему не сейчас?

— Ты ничего не знаешь о моих родителях.

— Но хотел бы что-нибудь узнать...

Она отвернулась.

— Тебе ведь приходилось работать с беспризорными...

— Ну и что?

— Ты знаешь, что это такое.

Да уж... Я снова подумал о ее неправильных чертах, о красноречивой горбинке на носу.

— Знаю. Но я также знаю, что молчать еще хуже.

— Я говорила об этом.

— Не со мной.

— А ты не мой психотерапевт.

— Я человек, которого ты любишь.

— Да. — Шейла обернулась. — Не сейчас, ладно? Пожалуйста...

Я не ответил, подумав, что она, пожалуй, права. Сидел и задумчиво вертел в руках рамку. Тут-то все и произошло.

Фотография в рамке слегка сдвинулась.

Снизу виднелся край еще одного фотоснимка. Я сдвинул верхний дальше и увидел чью-то руку. Верхний снимок больше не поддавался, поэтому я нащупал на обороте защелку, открыл ее и вытряхнул заднюю крышку рамки на кровать. Вслед за ней на одеяло плавно опустились две фотографии.

На первой из них мои родители стояли на палубе корабля, здоровые и счастливые; такими я их почти и не помнил. Но мой взгляд был прикован ко второй фотографии. Той, что была спрятана. На обороте была напечатана дата — чуть меньше двух лет назад.

На снимке виднелся холм, поросший травой. Никаких домов вокруг, только горы с заснеженными вершинами на заднем плане, как в начальных сценах «Звуков музыки». На вершине холма стоял мужчина в шортах и потертых туристских

ботинках. За спиной у него висел рюкзак, глаза скрывались под темными очками. Но улыбку можно было узнать, так же как и черты лица.

Хотя морщин у него прибавилось, волосы стали длиннее, а в бороде поблескивала седина. И все же ошибиться я не мог: на фотографии был мой брат Кен.

ГЛАВА 2

Отца я нашел на заднем дворе. Было уже совсем поздно. Он сидел абсолютно неподвижно и смотрел прямо перед собой, в темноту. У меня в душе шевельнулось одно неприятное воспоминание.

Примерно через четыре месяца после убийства Джули я обнаружил отца сидящим в подвале, спиной ко мне, в точно такой же позе. В руке он держал пистолет, ласково его поглаживая. Так, будто это не оружие, а маленький зверек. Меня отец не заметил: он не сводил глаз с оружия. Я в жизни не был так напуган. Несколько минут я стоял в оцепенении, затем поднялся на цыпочках вверх по лестнице и сделал вид, что только что вошел. Когда я не торопясь начал спускаться по ступенькам, пистолет уже исчез. После этого я целую неделю не оставлял отца одного.

Я вышел через застекленную дверь.

— Привет!

Отец обернулся, лицо его просияло в улыбке. На эту улыбку я всегда мог рассчитывать.

— Привет, Уилл!

В хриплом голосе прозвучала нежность. До того как все случилось, у отца было много друзей: люди любили его. Он был неизменно дружелюбен и надежен, хотя и немного резковат, что, впрочем, лишь усиливало впечатление надежности. И все же центром мира для него была семья, ничто иное значения не имело. Никакие проблемы чужих людей и даже друзей не трогали его по-настоящему.

Я подошел и сел в кресло, не зная, как начать разговор. Глубоко вздохнув, я услышал, что он делает то же самое. С отцом я всегда чувствовал себя в полной безопасности. Пусть он был намного старше, ниже ростом и уже не так силен, как я, у меня не было никаких сомнений — случись что, и он не колеблясь примет на себя любой удар, адресованный мне. А я спрячусь за его спиной...

— Надо бы отпилить эту ветку, — сказал он, вглядываясь в темноту.

— Да, — кивнул я, хотя ничего не видел.

Свет из стеклянной двери освещал отца в профиль. Его гнев уже рассеялся, и на лице было написано лишь бесконечное горе. Я подозреваю, что и после убийства он пытался принять удар на себя, но безуспешно. В его глазах до сих пор стояло странное напряженное выражение — как будто отец неожиданно получил удар в живот и не знает за что.

— Ты как, в порядке? — Этой фразой он обычно начинал разговор.

— Нормально. То есть не то чтобы, но...

Отец махнул рукой:

— Ну да, конечно, глупый вопрос.

Последовало молчание. Он закурил. Отец никогда не курил дома: здоровье детей и все такое прочее. И теперь, разок затянувшись, посмотрел на меня, как будто что-то вспомнил, и смял сигарету в пепельнице.

— Ничего, не беспокойся, — сказал я.

— Я обещал твоей матери, что никогда не буду курить дома.

Я не стал спорить и, помолчав еще немного, наконец решился:

— Мама сказала мне кое-что перед смертью.

Он бросил на меня короткий взгляд.

— Она сказала, — продолжал я, — что Кен жив.

Отец замер от неожиданности, но только на секунду. Потом расслабился, по его лицу скользнула грустная улыбка.

— Это все от лекарств, Уилл.

— Я так и подумал, — кивнул я. — Сначала.

— А теперь?

Я недоверчиво посмотрел ему в глаза. Конечно же, ходили слухи. Кен не был богат, и очень многие недоумевали: как это он может столько времени скрываться, не имея ни цента? Лично мне было все ясно: мой брат не скрывается — он был убит в ту же ночь. Но большинство были уверены, что родители тайком подкидывают ему денег.

— Не понимаю, — пожал я плечами, — зачем ей было это говорить? После стольких лет...

— Лекарства, — повторил отец. — Она умирала, Уилл...

Неоконченной фразой он намекал на многое. Я немного подождал и спросил:

— А как ты сам думаешь — он жив?